Психологическая наука и образование
2026. *31*(5), 59–70.
https://doi.org/10.17759/pse.2026310505
ISSN: 1814-2052
ISSN: 2311-7273 (online)

Psychological Science and Education
2026. *31*(5), 59–70.
https://doi.org/10.17759/pse.2026310505
ISSN: 1814-2052
ISSN: 2311-7273 (online)

Научная статья | Original paper

От отраслевого отбора к научной экспертизе: трехступенчатая модель верификации социальных практик

Т.Г. Подушкина[1] ✉, **С.В. Гани**[2]
[1] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
[2] Российская академия образования, Москва, Российская Федерация
✉ podushkinatg@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В сфере детства накоплен значительный массив социальных практик, выявляемых в рамках конкурсов, мониторингов и других отраслевых процедур, однако такой отбор не обеспечивает оценки их доказательной базы и независимой научной верификации. Сохраняющийся разрыв между накопленным практическим опытом и научным обоснованием эффективности социальных интервенций обусловливает необходимость выстраивания системы верификации, обеспечивающей продвижение практики от первичного отбора к оценке доказательной базы и научной экспертизе. **Цель.** Теоретико-методологическое обоснование трехступенчатой модели верификации социальных практик в сфере детства, включающей отраслевой отбор, базовую верификацию и независимую научную экспертизу. **Результаты.** Показано, что трехступенчатая модель восполняет сложившийся в отечественной социальной сфере разрыв между накопленным практическим опытом и научным обоснованием эффективности интервенций, позволяет дифференцировать ответственность сетевых участников: отраслевых ведомств и конкурсных площадок, разработчиков практик, экспертного и академического сообщества. Рассмотрена логика продвижения практики между уровнями: от «кандидатной технологии» через описание по единым требованиям к статусу практики с доказанной эффективностью и включению в федеральные реестры. Описаны принципы применения доказательного подхода в практике специалистов сферы детства, позволяющие сочетать строгость доказательной парадигмы с гибкостью, необходимой для учета специфики отдельных типов практик и стадий их жизненного цикла. **Выводы.** Предложенная модель задает общую логику верификации социальных практик, связывая отраслевой отбор, оценку доказательной базы, независимую научную экспертизу и позволяя разграничить функции участников этого процесса. Дальнейшей проработки требуют процедуры верификации зарубежных практик и подходы к оценке практик в тех областях социальной сферы, где возможности применения экспериментальных исследовательских дизайнов ограничены.

© Подушкина Т.Г., Гани С.В., 2026

CC BY-NC

Ключевые слова: трехступенчатая модель верификации, доказательный подход, социальные практики, Стандарт доказательности, реестр практик с доказанной эффективностью

Для цитирования: Подушкина, Т.Г., Гани, С.В. (2026). От отраслевого отбора к научной экспертизе: трехступенчатая модель верификации социальных практик. *Психологическая наука и образование, 31*(5), 59–70. https://doi.org/10.17759/pse.2026310505

From sectoral selection to scientific expertise: A three-tier model for the verification of social practices

T.G. Podushkina[1] ✉, **S.V. Gani**[2]
[1] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
[2] Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation
✉ podushkinatg@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. A significant body of social practices has been accumulated in the field of childhood, identified through competitions, monitoring, and other sectoral procedures; however, such selection does not ensure the assessment of their evidence base or independent scientific verification. The persistent gap between accumulated practical experience and the scientific substantiation of the effectiveness of social interventions necessitates building a verification system that guides a practice from initial selection to evidence-base assessment and scientific expertise. **Objective.** Theoretical and methodological justification for a three-stage model of verification of social practices in the field of childhood, including sectoral selection, basic verification, and independent scientific expertise. **Results.** It is shown that the three-tier model bridges the gap that has emerged in the domestic social sphere between accumulated practical experience and the scientific substantiation of the effectiveness of interventions, and makes it possible to differentiate the responsibility of network participants: sectoral agencies and competition platforms, developers of practices, and the expert and academic community. The logic of a practice's progression between levels is examined: from a "candidate technology", through description in accordance with uniform requirements, to the status of a practice with proven effectiveness and its inclusion in federal registries. The principles of applying the evidence-based approach in the practice of childhood professionals are described, making it possible to combine the rigor of the evidence-based paradigm with the flexibility needed to take into account the specifics of particular types of practices and the stages of their life cycle. **Conclusions.** The proposed model sets out the general logic of verifying social practices, linking sectoral selection, assessment of the evidence base, and independent scientific expertise, and making it possible to delineate the functions of the participants in this process. Further elaboration is required for the procedures of verifying international practices and for approaches to evaluating practices in those areas of the social sphere where the possibilities of applying experimental research designs are limited.

Keywords: three-tier model of verification, evidence-based approach, social practices, Standard of Evidence, registry of practices with proven effectiveness

For citation: Podushkina, T.G., Gani, S.V. (2026). From sectoral selection to scientific expertise: A three-tier model for the verification of social practices. *Psychological Science and Education, 31*(5), 59–70. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2026310505

Введение

Перенесение методологии доказательного подхода из медицины, где она первоначально сложилась в 1990-х гг. (Sackett et al., 1996; Sackett et al., 2000), в социальную сферу и образование сопровождается серьезным переосмыслением как самой концепции доказательной практики, так и инструментов ее обеспечения (McNeece, Thyer, 2004; Gray, Plath, Webb, 2009; van der Zwet, 2018; Бусыгина, Подушкина, Станилевский, 2020). В отличие от клинических исследований, где приоритет отдан рандомизированным контролируемым экспериментам, обоснование социальных практик предполагает существенно более широкий спектр исследовательских дизайнов, учитывающий особенности типа практики, контекстов ее реализации и характер причинно-следственных связей между деятельностью и результатом (Parkhurst, Abeysinghe, 2016; Бусыгина, Подушкина, Засимова, 2022). Кроме того, доказательный подход в социальной сфере не сводится к выбору практик из списка эмпирически обоснованных интервенций, а представляет собой процесс принятия решений, в котором научные данные интегрируются с экспертизой специалиста-практика и ценностями благополучателей (Gambrill, 2018; Drisko, Grady, 2012). Современные исследования внедрения доказательных программ акцентируют самостоятельное значение результатов имплементации, устойчивости практики и условий ее воспроизводимости в конкретных организационных контекстах (Proctor et al., 2023; Strehlenert et al., 2024).

Развитие доказательного подхода в России к настоящему моменту прошло несколько содержательных этапов, от формирования экспертного сообщества и разработки первой версии «Стандарта доказательности социальных практик в сфере детства» (Стандарт) в 2018 г. (Стандарт доказательности..., 2018) до институционализации работы со Стандартом в Московском государственном психолого-педагогическом университете в рамках государственных заданий и создания профильной экспертной инфраструктуры на федеральном уровне (Подушкина, Гани, 2024). Однако наряду с продвижением методологической базы остается открытым вопрос об организации самого процесса верификации: как именно практика, разработанная и применяемая специалистом или организацией, может пройти путь от первичного признания ее перспективности до получения статуса практики с доказанной эффективностью? Какие участники, на каких уровнях и с какими полномочиями включены в этот процесс?

В настоящей статье представлена трехступенчатая модель верификации социальных практик в сфере детства, которая разрабатывается и апробируется в МГППУ в рамках реализации Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Московского государственного психолого-педагогического университета. Модель отвечает на запрос системной координации экспертных усилий и предлагает дифференцированную логику движения практики между тремя уровнями верификации — отраслевым, базовым и научным. Описание модели мы предваряем анализом сложившейся в социальной сфере ситуации и краткой характеристикой методологической рамки, заданной Стандартом доказательности. В завершении мы предприняли попытку обобщить принципы применения

доказательного подхода в работе специалистов сферы детства.

От разрозненной экспертизы к системе верификации

Долгое время социальные науки и социальная практика в России развивались как две практически не пересекающиеся области (Бусыгина, Подушкина, Станилевский, 2020). Наука была сосредоточена в вузах и исследовательских институтах, тогда как практическая работа осуществлялась специалистами государственных, некоммерческих и коммерческих организаций. Институциональный разрыв между академической наукой и практикой привел к тому, что эффективность практической работы оценивалась преимущественно через личный опыт специалиста, рекомендации коллег или внутренние процедуры организации, тогда как систематические исследования эффектов проводились редко и не достигали адресата, то есть специалистов, разрабатывающих и реализующих социальные практики (Романов, Ярская-Смирнова, 2014; Бусыгина, Будурян, Засимова, 2022).

Социальная сфера долгое время жила преимущественно в логике исключительно отраслевого отбора лучших практик. Работающие интервенции выявлялись через профессиональные конкурсы, мониторинги и аудит, однако на этом работа с практиками фактически заканчивалась, и даже признанные «лучшими» решения редко переходили в режим систематической верификации, не получая независимого исследовательского сопровождения и в большинстве случаев оставаясь доступными ограниченному кругу специалистов. Сложилась парадоксальная ситуация: в социальной сфере накоплено множество широко применяемых практик, однако при необходимости выбрать и рекомендовать конкретную технологию для преодоления определенной социальной проблемы на региональном или ведомственном уровне выясняется, что методик, прошедших независимую верификацию, практически нет.

Переход к доказательному подходу в сфере детства, заданный Национальной стратегией действий в интересах детей и государственной программой «Десятилетие детства», привел к смещению акцента с отбора «лучших практик» на поиск и разработку универсальной методологии обоснования эффективности (распоряжение Правительства Российской Федерации, 2021). Такая методологическая рамка должна была одновременно решать несколько задач, а именно — задавать единые требования к описанию практик с целью их сравнения между собой, различать стадии их зрелости, чтобы не предъявлять одинаковых исследовательских требований к инновационным разработкам и к практикам, готовым к тиражированию, а также связывать практическую работу с научным сопровождением, не подменяя одно другим. В зарубежной литературе схожая задача рассматривается как выстраивание устойчивой связи между научно обоснованной практикой и практико-ориентированной наукой, работающими на общий результат — повышение эффективности и безопасности социальных интервенций (Sackett et al., 2000; McNeece, Thyer, 2004; Roberts, Yeager, 2006; Gambrill, 2018). При этом современные исследования социальной работы показывают, что тиражирование программ с доказанной эффективностью неизбежно связано с их адаптацией к особенностям ситуации и потребностям благополучателей, что требует различать ключевые механизмы практики и допустимые контекстуальные модификации (Kristensen, Nissen, 2024).

Принципиальным решением стало встраивание методологии доказательного подхода в распределенную сетевую институциональную инфраструктуру, объединяющую разные категории участников: органы государственного и муниципального управления, разработчиков практик из государственных и некоммерческих организаций, экспертное и академическое сообщество. Именно сетевая логика легла

в основу разработки трехступенчатой модели верификации.

Стандарт доказательности как методологическая основа верификации

Методологической основой для верификации социальных практик в сфере детства на основе доказательного подхода выступает «Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства» — документ, прошедший на сегодняшний день три этапа разработки. Первая версия была подготовлена в 2018 г. в результате партнерского проекта АНО «Эволюция и Филантропия» при поддержке Межотраслевого профессионального объединения «Оценка программ в сфере детства», Фонда Тимченко и Центра доказательного социального проектирования МГППУ, вторая версия появилась в 2022 г. в ходе реализации Центром доказательного социального проектирования МГППУ государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации, третья, актуальная версия разрабатывается в рамках проекта «Инклюзивные практики с доказанной эффективностью» в партнерстве МГППУ, благотворительного фонда «Вклад в будущее» и Ассоциации инклюзивных вузов. Все три версии сохраняют ключевые методологические аспекты, заложенные изначально, расширяя понятийный аппарат и уточняя процедурные требования с учетом накопленного опыта применения Стандарта.

Методологический каркас Стандарта строится на двухэтапной логике доказательного обоснования. На первом этапе разработчик конструирует логическую модель практики — рабочую аналитическую конструкцию, содержащую гипотезу о механизмах и результатах воздействия. Модель описывает, на какие целевые группы направлена практика, какие проблемы этих групп она решает, какие действия предпринимаются и к каким изменениям они предположительно приводят. Среди возможных изменений различаются промежуточные социальные результаты (формирование отдельных навыков и компетенций), конечные социальные результаты, представляющие значимые изменения в жизненной ситуации благополучателей, и отсроченные эффекты, проявляющиеся через определенный промежуток времени после завершения практики (Бусыгина, Подушкина, Зевина, 2021). Логическая модель является инструментом профессиональной рефлексии, требующим от разработчика реконструкции собственной деятельности «от проблемы», а не «от инструмента», что для многих специалистов оказывается непривычной задачей.

На втором этапе разработчик собирает доказательную базу, включающую данные, подтверждающие изменения у благополучателей, и соотносит их с логической моделью. Сбор данных направлен не только на фиксацию изменений, но и на проверку и уточнение заложенных в модели причинно-следственных связей. На этом же этапе формулируется теоретическое обоснование практики, представляющее отсылку к существующим научным теориям или, реже, разработку собственных теоретических положений. По итогам сбора доказательной базы практика анализируется по четырем направлениям, образующим четырехвекторную модель: регламентированность практики (степень ее закрепления в виде описаний и рекомендаций, обеспечивающих воспроизводимость), теоретическая и эмпирическая обоснованность, достижение заявленных социальных результатов, качество исследовательских данных и адекватность примененной методологии (Бусыгина, Горобцова, 2021).

Параллельно Стандарт удерживает в фокусе внимания важнейшее различие — типологию практик, без которой обоснование уровня доказательности рискует превратиться в формальную процедуру. Различение типов практики дифференцирует стратегии ее обоснования и выбор исследовательской методологии. Типология строится на четырех основаниях. Первое основание — стадия жизненного цикла практики (инновационные, пилотные, устоявшиеся, масштабируемые). Второе — уровень интервенции по отноше-

нию к динамике развития социального риска (превенция, интервенция в острой ситуации, поственция и минимизация вреда). Третье — масштаб реализации (микро-, мезо-, макроуровень). Четвертое — характер причинно-следственных связей между деятельностью и результатом, который может быть простым линейным, сложным нелинейным, но прогнозируемым, динамическим, уточняемым в процессе либо хаотическим, когда связи неизвестны и динамика непредсказуема. Каждый из этих параметров влияет на выбор исследовательского дизайна и ожидаемый уровень доказательности. Попытки применять единые «золотые стандарты» исследования ко всем типам практик игнорируют это разнообразие и, в конечном счете, дискредитируют сам подход (Maxwell, 2012; Чернова, Щеглов, 2025).

Именно из совокупности методологической рамки, четырехвекторной модели анализа и типологии практик складывается единая система требований, которая делает возможной верификацию социальных практик не как уникальной экспертизы каждого случая, а как воспроизводимой процедуры с понятными критериями и зонами ответственности.

Трехступенчатая модель верификации: концепция и устройство

Размышление о том, как рамочный методологический аппарат Стандарта может быть переведен в реальную инфраструктуру для специалистов и организаций, привело к формулированию трехступенчатой модели верификации социальных практик в сфере детства. Модель выделяет три уровня (отраслевой, базовый и научный), последовательное прохождение которых задает путь практики от перспективной разработки до статуса разработки с доказанной эффективностью, рекомендованной к тиражированию на федеральном уровне.

Отраслевая верификация представляет собой различные механизмы отбора практик, существующие в социальной сфере и образовании: профессиональные конкурсы, отраслевые мониторинги, инкубаторы социальных инноваций. Цель этого уровня заключается в поиске и отборе перспективных практик. Долгое время именно отраслевая верификация была единственным способом легитимации работающих интервенций, благодаря которой в зоне внимания профессионального сообщества появлялась интересная разработка, и на этом ее движение в системе фактически останавливалось. Сегодня отраслевая верификация сохраняет важную скрининговую функцию и позволяет выявить «кандидатные технологии», претендующие на дальнейшее «доращивание» в логике доказательного подхода. Отбор на этом уровне еще не является верификацией доказательной базы, он лишь маркирует практику как заслуживающую дальнейшего внимания и предлагает разработчикам возможность включиться в процедуру более строгого обоснования.

Базовая верификация отвечает за форматирование практики в рамках единых требований доказательного подхода и включает подробное описание по структуре Стандарта и фиксацию эмпирических данных, подтверждающих достижение заявленных социальных результатов. На этом уровне разработчики вовлекаются в систематическую экспертную процедуру, где сначала куратор-методист помогает оформить практику в соответствии с требованиями Стандарта, а независимые эксперты анализируют материалы и выставляют рейтинговую оценку, после чего на очной защите разработчики представляют свою практику экспертной группе и получают обоснованные рекомендации. По итогам базовой верификации практика относится к одной из трех категорий: инновационная практика с начальной доказательной базой; практика с доказательной базой, рекомендованная к применению; практика с развитой доказательной базой, рекомендованная к научной верификации и подготовке к масштабированию. Базовая верификация не предъявляет к практике на ранних стадиях ее развития чрезмерных требований. Для инновационной разработки достаточно представить обоснованность логической модели и начать накапливать эмпирический материал, тогда

как для практики, претендующей на широкое распространение, требования к качеству и объему доказательной базы существенно выше. В рамках предлагаемой модели тиражирование понимается как воспроизведение практики в новых организациях или территориях, тогда как масштабирование — как системное расширение числа благополучателей, организаций и территорий, охваченных ее реализацией, с соответствующим развитием необходимой инфраструктуры. До проведения научной верификации возможно ограниченное тиражирование практики в режиме дальнейшей апробации и накопления данных. Межрегиональное или федеральное распространение практики предполагает успешное прохождение научной верификации. Это снимает противоречие между желанием поддержать перспективные разработки на ранних стадиях и необходимостью обеспечить строгость экспертизы для практик, претендующих на широкое распространение.

Научная верификация представляет собой независимую экспертизу научно-теоретической базы и исследовательской методологии практики с опорой на более строгие требования академической науки. Организационные и методологические основания научной экспертизы, а также опыт построения соответствующих экспертных процедур в отечественной практике представлены в ряде работ, посвященных верификации образовательных и психолого-педагогических разработок на основе доказательного подхода (Головина, Сорокова, Леонова, 2024; Сорокова и др., 2023; Сорокова и др., 2024). Здесь меняется цель верификации: если на базовом уровне речь идет об «упаковке» практики в единой логике и проверке соответствия базовым требованиям, то научная верификация позволяет оценить качество теоретико-методологических оснований и научной обоснованности эмпирических данных. Сюда относится экспертиза базы количественных данных научного исследования, собранных в результате эксперимента или квазиэксперимента, оценка адекватности примененных методов сбора и анализа данных, проверка корректности теоретического обоснования механизмов воздействия. Не каждая практика проходит научную верификацию, например, инновационная разработка с начальной доказательной базой может оставаться на уровне базовой верификации до тех пор, пока в ходе ее развития не будет собран достаточный исследовательский материал. Лишь после успешного прохождения научной верификации практика получает статус практики с доказанной эффективностью и может быть включена в федеральные реестры технологий, программ и методик, рекомендованных к широкому распространению и масштабированию.

Следует подчеркнуть, что трехступенчатая модель не задает линейного маршрута развития практики. Между уровнями возможно движение в обе стороны, например, практика, не прошедшая базовую верификацию с первой попытки, получает рекомендации к доработке и может вернуться на этап описания и сбора данных, а практика, прошедшая научную верификацию, может быть рекомендована к тиражированию через конкурсные и мониторинговые механизмы. Сама модель работает не как фильтр, отсекающий «недостаточно подготовленные к тиражированию» практики, а как инфраструктура, обеспечивающая каждой перспективной разработке доступ к экспертной и методической поддержке, соответствующей ее текущему уровню зрелости.

Сетевой характер модели проявляется в распределении ответственности между ключевыми категориями участников верификации. Отраслевая верификация остается в зоне компетенции профильных министерств, ведомств, региональных органов управления и крупных некоммерческих организаций, проводящих конкурсные процедуры. Базовая и научная верификация осуществляется на базе университетских структур, в частности, Секции «Доказательный подход в психологии и образовании», созданной в октябре 2022 г. на базе Научно-экспертного совета МГППУ, в новом положении о которой трехступенчатая модель закреплена как основа ее деятельности. Внутри секции предусмо-

трены профильные комиссии по отдельным типам практик, что позволяет учесть специфику предметных областей при сохранении единства методологической рамки.

Принципы применения доказательного подхода в практике специалистов сферы детства

Возможность движения практики между уровнями верификации, гибкость в выборе исследовательских стратегий и распределенная ответственность ее сетевых участников требуют опоры на ясные содержательные принципы. В актуальной версии Стандарта восемь таких принципов выделены в качестве основания применения доказательного подхода в практике специалистов сферы детства.

Принцип наилучших доступных данных предполагает, что в основу экспертных решений положены лучшие на данный момент имеющиеся свидетельства об эффектах практики — результаты рандомизированных контролируемых исследований, квазиэкспериментальных проб, систематического мониторинга или качественных исследований случаев. Данный принцип отражает современные представления о неуместности универсальной иерархии методологий в исследовании социальных практик (Бусыгина, Горобцова, 2021; Maxwell, 2012; Parkhurst, Abeysinghe, 2016; Sandelowski, Barroso, 2007) и снимает требование «все или ничего», нередко становящееся причиной отказа практиков от участия в процедурах верификации. Принцип прагматизма при выборе исследовательской методологии прямо вытекает из типологии практик, когда дизайн исследования должен быть подобран в соответствии со стадией жизненного цикла практики, характером причинно-следственных связей, контекстом и масштабом реализации (Бусыгина, Подушкина, Засимова, 2022; Ebrahim, 2019). Для практик с линейной динамикой и сфокусированным воздействием применимы количественные экспериментальные процедуры, для практик с комплексной каузальной логикой более продуктивны методы отслеживания промежуточных изменений и системный анализ, для инновационных разработок — качественные дизайны и анализ случаев.

Принцип этичности, имеющий приоритетное значение при работе с социально уязвимыми группами и детьми, предполагает, что выбор исследовательских процедур должен учитывать риски стигматизации, нарушения конфиденциальности и чрезмерного вмешательства в частную жизнь. Этот принцип отличает доказательный подход в социальной сфере от прямого переноса принципа «золотого стандарта», поскольку этические протоколы клинических исследований не всегда применимы к социальной действительности.

Принцип развития практики означает, что верификация представляет собой длительное сопровождение, в котором практика «доращивается» от инновационной разработки до зрелой технологии, при этом требования к практике на разных этапах жизненного цикла различаются, и процедура устроена как «помогающая», а не «отсекающая».

Принцип системности фиксирует, что доказательное обоснование практики требует анализа нескольких компонентов (логическая модель, теоретическое обоснование, эмпирические данные, регламентация) и их согласованности между собой. Изолированная фиксация эффектов без понимания того, через какие механизмы они достигаются, не дает оснований для рекомендаций о тиражировании. Принцип триангуляции данных требует сопоставления свидетельств, полученных разными методами и от разных источников, для повышения достоверности выводов о результативности практики. Триангуляция особенно важна, когда возможности экспериментального дизайна ограничены (Бусыгина, Горобцова, 2021; Sandelowski, Barroso, 2007).

Принцип контекстуальности предполагает учет условий, в которых практика разрабатывалась и применяется. То, что эффективно работает в определенной среде, не всегда воспроизводится в иных условиях, и верификация должна не только фиксировать эффекты, но и описывать факторы их устойчивости (Moore et al., 2021; Strehlenert et al., 2024).

Принцип партисипативности подчеркивает, что в процесс доказательного обоснования вовлечены не только эксперты и разработчики, но и сами благополучатели, их ценности, потребности и оценки являются необходимой частью верификации (Gambrill, 2018; Drisko, Grady, 2012).

В совокупности данные принципы позволяют соблюдать строгость доказательной парадигмы с гибкостью, необходимой для учета специфики отдельных типов практик и стадий их жизненного цикла.

Обсуждение и заключение

Трехступенчатая модель верификации социальных практик в сфере детства (отраслевая, базовая, научная) представляет собой ответ на накопившийся в отечественной социальной сфере разрыв между практической работой и научным обоснованием эффективности интервенций. Модель задает организационную рамку сопровождения и верификации социальных практик, помогая встраивать сложившиеся отраслевые механизмы их отбора в более широкую инфраструктуру, где за поисковой фазой следуют этапы систематической экспертизы доказательной базы и независимой научной верификации. Переход между уровнями построен как поддерживающий, где практики, еще не готовые к научной верификации, получают методическое сопровождение на этапе базовой экспертизы, а практики, прошедшие все три уровня верификации, входят в федеральные реестры технологий, программ и методик с доказанной эффективностью.

Опора модели на «Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства» обеспечивает единство методологических требований и одновременно, за счет типологии практик и принципов прагматизма, контекстуальности, партисипативности, гибкость в учете специфики отдельных областей. Сетевой характер модели позволяет распределить ответственность между ключевыми участниками. Отраслевые органы и конкурсные площадки отвечают за выявление перспективных разработок, разработчики практик — за описание и сбор доказательной базы, экспертно-академическое сообщество — за независимую верификацию и научную экспертизу.

Вместе с тем трехступенчатая модель оставляет открытыми ряд вопросов, требующих дальнейшей проработки. Один из них касается верификации зарубежных и трансфера отечественных практик в международное профессиональное поле. Данный вопрос требует разработки отдельных процедур, чувствительных к различиям в социокультурных контекстах. Второй вопрос связан с пределами применимости экспериментального исследовательского дизайна. Для ряда практик в социальной сфере построение полноценного эксперимента с контрольной группой принципиально затруднено или невозможно. В таких случаях верификация должна опираться на более «мягкие» стратегии: анализ случаев, этнографические наблюдения, исследования с участием благополучателей, метаанализ качественных исследований (Sandelowski, Barroso, 2007; Бусыгина, Горобцова, 2021). Третий вопрос касается взаимосвязи универсальной рамки Стандарта и теоретико-методологических оснований конкретных предметных областей. В обсуждении актуальной версии документа поднимался вопрос о роли культурно-исторической традиции в концептуализации, например, инклюзивных практик, и здесь необходимо удерживать различие между универсальностью методологии доказательного обоснования и содержательной теорией самого предмета верификации.

Дальнейшее развитие трехступенчатой модели предполагает институционализацию работы экспертных секций и профильных комиссий, разработку цифровой платформы для размещения федеральных реестров, расширение сети уполномоченных научных лабораторий, наращивание корпуса методических материалов и образовательных программ. Принципиально важно, что этот процесс разворачивается как уточнение используемых подходов, что соответствует исходной логике доказательного подхода как пространства взаимодействия науки и практики.

Список источников / References

1. Бусыгина, Н.П., Будурян, М.М., Засимова, А.В. (2022). Представления российских специалистов сферы детства о доказательном подходе и их ожидания от взаимодействия с научным сообществом. *Психологическая наука и образование*, 27(6), 183–196. https://doi.org/10.17759/pse.2022270614
   Busygina, N.P., Buduryan, M.M., Zasimova, A.V. (2022). Russian Child Welfare Service Professionals' Attitudes towards Evidence-based Practice and Their Ideas of the Social Practice — Science Relations. *Psychological Science and Education*, 27(6), 183–196. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2022270614
2. Бусыгина, Н.П., Горобцова, А.В. (2021). Качественная методология и доказательные практики в психологии и образовании. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 117–127. https://doi.org/10.17759/pse.2021260609
   Busygina, N.P., Gorobtsova, A.V. (2021). Qualitative Research and Evidence-Based Practices in Psychology and Education. *Psychological Science and Education*, 26(6), 117–127. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/pse.2021260609
3. Бусыгина, Н.П., Подушкина, Т.Г., Засимова, А.В. (2022). Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки. *Социальные науки и детство*, 3(2), 10–23. https://doi.org/10.17759/ssc.2022030201
   Busygina, N.P., Podushkina, T.G., Zasimova, A.V. (2022). How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency. *Social Sciences and Childhood*, 3(2), 10–23. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/ssc.2022030201
4. Бусыгина, Н.П., Подушкина, Т.Г., Зевина, Д.А. (2021). Методологические проблемы доказательного описания психологических и социальных практик. *Социальные науки и детство*, 2(1), 24–36. https://doi.org/10.17759/ssc.2021020102
   Busygina, N.P., Podushkina, T.G., Zevina, D.A. (2021). Methodological Problems of Evidential Description of Psychological and Social Practices. *Social Sciences and Childhood*, 2(1), 24–36. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/ssc.2021020102
5. Бусыгина, Н.П., Подушкина, Т.Г., Станилевский, В.В. (2020). Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы. *Социальные науки и детство*, 1(1), 8–26. https://doi.org/10.17759/ssc.2020010101
   Busygina, N.P., Podushkina, T.G., Stanilevsky, V.V. (2020). Evidence-Based Approach in the Social Area: Basic Concepts and Guidelines, History, Prospects. *Social Sciences and Childhood*, 1(1), 8–26. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/ssc.2020010101
6. Головина, И.В., Сорокова, М.Г., Леонова, О.И. (2024). Экспертиза образовательных и методических разработок на основе доказательного подхода в условиях развития единого образовательного пространства. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 3(71), 181–192. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5410 (дата обращения: 02.09.2026).
   Golovina, I.V., Sorokova, M.G., Leonova, O.I. (2024). Expertise of educational and methodological developments based on the evidence-based approach in the context of the development of a unified educational space. *Scientific Notes of the Electronic Journal of Kursk State University*, 3(71), 181–192. (In Russ.). URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5410 (viewed: 02.09.2026).
7. Подушкина, Т.Г., Гани, С.В. (2024). Методология и практика доказательного подхода в сфере детства в России. *Журнал исследований социальной политики*, 22(4), 627–640. https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-627-640
   Podushkina, T.G., Gani, S.V. (2024). Methodology and Practice of Evidence-Based Approach to Childhood in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, 22(4), 627–640. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-627-640
8. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» (с изменениями и дополнениями)*. (2021). М. URL: https://https://base.garant.ru/400250053/ (дата обращения: 21.05.2026).
   Order of the Government of the Russian Federation of January 23, 2021 no. 122-r "On Approval of the Plan of Main Activities Conducted within the Decade of Childhood for the Period until 2027" (as amended and supplemented). (2021). Moscow. (In Russ.). URL: https://https://base.garant.ru/400250053/ (viewed: 21.05.2026).
9. Романов, П.В., Ярская-Смирнова, Е.Р. (2014). Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы. *Социологические исследования*, 10(366), 60–69. URL: https://publications.hse.ru/articles/135976866 (дата обращения: 12.05.2026).

Romanov, P.V., Yarskaya-Smirnova, E.R. (2014). Social Work in Modern Russia: Analysis of the Status of a Professional Group. *Sociological Studies*, 10(366), 60–69. (In Russ.). URL: https://publications.hse.ru/articles/135976866 (viewed: 12.05.2026).

10. Сорокова, М.Г., Леонова, О.И., Ботова, Ю.Б., Пятаков, Е.О. (2023). Организация независимой оценки психолого-педагогических программ и стандартизации психодиагностических инструментов в парадигме доказательного подхода. *Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование,* 6(4(23)), 143–156.
Sorokova, M.G., Leonova, O.I., Botova, Y.B., Pyatakov, E.O. (2023). Organization of independent assessment of psycho-pedagogical programs and standardization of psychodiagnostic tools in the paradigm of the evidence-based approach. *Modern Additional Professional Pedagogical Education,* 6(4(23)), 143–156. (In Russ.).
11. Сорокова, М.Г., Ульянина, О.А., Семья, Г.В., Леонова, О.И., Лубовский, Д.В., Исаев, Е.И., Подушкина, Т.Г., Бусыгина, Н.П., Радчикова, Н.П., Шведовская, А.А. (2024). *Доказательный подход: Руководство по верификации программ, технологий, практик в образовании и социальной сфере: учебное пособие* / под ред. А.А. Марголиса, М.Г. Сороковой, Г.В. Семьи. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguver2024 (дата обращения: 02.09.2026).
Sorokova, M.G., Ulyanina, O.A., Semya, G.V., Leonova, O.I., Lubovsky, D.V., Isaev, E.I., Podushkina, T.G., Busygina, N.P., Radchikova, N.P., Shvedovskaya, A.A. (2024). *Evidence-based approach: Guidelines for verification of programs, technologies, and practices in education and the social sphere: a textbook* (A.A. Margolis, M.G. Sorokova, G.V. Semya, Eds.). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguver2024 (viewed: 02.09.2026).
12. *Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства: версия 2.1 от 23.11.2018.* (2018). М. URL: https://socialvalue.ru/?page_id=1715 (дата обращения: 07.06.2026).
Standard of Evidence for Social Practices in the Field of Childhood: Version 2.1 dated November 23, 2018. (2018). Moscow. (In Russ.). URL: https://socialvalue.ru/?page_id=1715 (viewed: 07.06.2026).
13. Чернова, Ж.В., Щеглов, Я.И. (2025). Микс-методология: поиск лекарства для «золотого стандарта» доказательности. *Журнал исследований социальной политики*, 23(3), 417–432. https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-3-417-432
Chernova, Zh.V., Shcheglov, Ya.I. (2025). Mixed-Methods Methodology: Searching for a Remedy for the “Gold Standard” of Evidence. *The Journal of Social Policy Studies*, 23(3), 417–432. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/727-0634-2025-23-3-417-432
14. Drisko, J.W., Grady, M.D. (2012). *Evidence-Based Practice in Clinical Social Work*. New York, NY: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3470-2
15. Ebrahim, A. (2019). *Measuring Social Change: Performance and Accountability in a Complex World*. Stanford, CA: Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503609211
16. 1Gambrill, E.D. (2018). Evidence-Based Practice: An Alternative to Authority-Based Practice (Revisiting Our Heritage). *Families in Society*, 99(3), 283–294. https://doi.org/10.1177/1044389418786699
17. Gray, M., Plath, D., Webb, S.A. (2009). *Evidence-Based Social Work: A Critical Stance*. London: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203876626
18. Kristensen, C.L., Nissen, M.A. (2024). Enactments of evidence-based programs in social work — the gap between ideal and practice in the context of Norway. *Nordic Social Work Research*, 1–13. https://doi.org/10.1080/2156857X.2024.2317218
19. Maxwell, J.A. (2012). The Importance of Qualitative Research for Causal Explanation in Education. *Qualitative Inquiry*, 18(8), 655–661. https://doi.org/10.1177/1077800412452856
20. McNeece, C.A., Thyer, B.A. (2004). Evidence-Based Practice and Social Work. *Journal of Evidence-Based Social Work*, 1(1), 7–25. https://doi.org/10.1300/J394v01n01_02
21. Moore, G., Campbell, M., Copeland, L., Craig, P., Movsisyan, A., Hoddinott, P., Littlecott, H., O’Cathain, A., Pfadenhauer, L., Rehfuess, E., Segrott, J., Hawe, P., Kee, F., Couturiaux, D., Hallingberg, B., Evans, R. (2021). *Adapting interventions to new contexts–the ADAPT guidance*. BMJ, 374, n1679. https://doi.org/10.1136/bmj.n1679
22. Parkhurst, J.O., Abeysinghe, S. (2016). What Constitutes “Good” Evidence for Public Health and Social Policy-Making? From Hierarchies to Appropriateness. *Social Epistemology*, 30(5–6), 665–679. https://doi.org/10.1080/02691728.2016.1172365
23. Proctor, E.K., Bunger, A.C., Lengnick-Hall, R., Gerke, D.R., Martin, J.K., Phillips, R.J., Swanson, J.C. (2023). Ten years of implementation outcomes research: a scoping

review. *Implementation Science,* 18, 31. https://doi.org/10.1186/s13012-023-01286-z
24. Roberts, A.R., Yeager, K.R. (Eds.). (2006). *Foundations of Evidence-Based Social Work Practice*. New York, NY: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780195305944.001.0001
25. Sackett, D.L., Rosenberg, W.M.C., Gray, J.A.M., Haynes, R.B., Richardson, W.S. (1996). *Evidence Based Medicine: What It Is and What It Isn't*. BMJ, 312(7023), 71–72. https://doi.org/10.1136/bmj.312.7023.71
26. Sackett, D.L., Straus, S.E., Richardson, W.S., Rosenberg, W., Haynes, R.B. (2000). *Evidence-Based Medicine: How to Practice and Teach EBM* (2nd ed.). Edinburgh: Churchill Livingstone.
27. Sandelowski, M., Barroso, J. (2007). *Handbook for Synthesizing Qualitative Research*. New York, NY: Springer Publishing Company.
28. Strehlenert, H., Hedberg Rundgren, E., Sjunnestrand, M., Hasson, H. (2024). Fidelity to and Adaptation of Evidence-based Interventions in the Social Work Literature: A Scoping Review. *The British Journal of Social Work*, 54(3), 1356–1376. https://doi.org/10.1093/bjsw/bcad170
29. van der Zwet, R.J.M. (2018). *Implementing Evidence-Based Practice in Social Work: A Shared Responsibility* [Doctoral Thesis]. Enschede: Ipskamp. URL: https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/implementing-evidence-based-practice-in-social-work-a-shared-resp/ (viewed: 29.04.2026).

Информация об авторах
Татьяна Геннадиевна Подушкина, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5966-8342, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Светлана Вячеславовна Гани, кандидат психологических наук, заведующая сектором методического обеспечения деятельности психологических служб Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования, Российская академия образования, Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1689-7548, e-mail: sgani@mail.ru

Information about the authors
Tatyana G. Podushkina, Head of the Sector “Center for Evidence-Based Social Design”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5966-8342, e-mail: podushkinatg@mgppu.ru

Svetlana V. Gani, Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Sector for Methodological Support of Psychological Services, Federal Resource Center for Psychological Services in Higher Education, Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1689-7548, e-mail: sgani@mail.ru

Вклад авторов
Авторы внесли равный вклад на всех этапах работы и подготовки статьи.

Contribution of the authors
The authors contributed equally to all stages of the research and to the preparation of the article.

Конфликт интересов
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest
The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 21.07.2026 — Received 2026.07.21
Поступила после рецензирования 08.09.2026 — Revised 2026.09.08
Принята к публикации 24.09.2026 — Accepted 2026.09.24
Опубликована 25.10.2026 — Published 2026.10.25